

Андрей Владимирович ГУБИН,
кандидат политических наук, руководитель
Азиатско-тихоокеанского регионального
центра Российского института
стратегических исследований,
доцент кафедры международных отношений
Дальневосточного федерального университета.
Для связи с автором: andrey.gubin@mail.ru

Тайваньский кризис – новая надежда

АННОТАЦИЯ. Несмотря на официальную сдержанно-примирительную позицию КНР в отношении Тайваня, все еще сложно говорить о полном отказе Пекина от использования силы в конфликте. Победа демократов на выборах на острове может инициировать новый виток напряженности. При этом позиция США сегодня уже не настолько тверда – свой «непотопляемый авианосец» они, вероятно, могут обменять на экономическое сотрудничество с КНР при делегировании ей части ответственности за поддержание региональной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КНР, Тайвань, США, кризис, объединение

Тайвань – территория трехстороннего примирения?

В январе 2016 года на президентских и парламентских выборах на острове Тайвань победила ранее оппозиционная Демократическая партия. Вероятно, это может оказать

существенное влияние на отношения по обе стороны Тайваньского пролива, равно как и на американо-китайские отношения, уже превратившиеся в центральную линию глобального политического процесса. Особую пикантность ситуации придает отсутствие открытого противостояния между Вашингтоном и Пекином. Первый, несмотря на признание принципа «одного Китая» и возражения против провозглашения Тайванем своей государственности, тем не менее до сих пор не отказался от военно-технического сотрудничества с островом, что в Чжуннань-хае воспринимают как фактическое воспрепятствование «мирному воссоединению», а значит жест войны.

Ранее, с 2000 по 2008 годы, пост президента Тайваня уже занимал кандидат от Демократической партии Чэнь Шуйбянь, который запомнился неоправданным ухудшением отношений с Пекином, проблемами в экономике, нерасследованным покушением на него и коррупционными скандалами.

Новый президент Цай Инвэнь принимает остров, уже заручившись парламентским большинством, что позволяет говорить о более серьезных изменениях в подходах Тайбэя [см., Кашин В., 2016]. Примечательно, что Цай одержала убедительную победу, набрав 56,28 процента голосов, и стала первой женщиной – президентом Тайваня. В речи после оглашения результатов Цай Инвэнь выразила надежду на укрепление отношений с Соединенными Штатами, заявив в то же время, что не намерена рвать связи с материковым Китаем. Кроме того, Цай призвала придерживаться принципа свободы судоходства в Южно-Китайском море [см., На президентских выборах...]. Довольно сложно представить, каким образом новая глава тайбэйской администрации собирается реализовать столь противоречивые принципы с самостоятельных позиций. Вероятно, это может быть сделано только при нахождении Вашингтоном и Пекином определенного *modus operandi* относительно статуса острова, что уже случалось в истории.

Стоит отметить, что, несмотря на нынешний проигрыш, с 2008 по 2016 гг. именно Гоминьдану удалось добиться значительных успехов в развитии экономических связей с материком. Как никогда ранее высокой стала вероятность «мирного воссоединения» на основе знаменитого принципа «одна страна – две системы». В ноябре 2015 года уже уверенный в поражении Гоминьдана Ма Инцзю фактически принял приглашение председателя КНР Си Цзиньпина о личной встрече. Обе стороны истолковали встречу как успешную – Си Цзиньпин в своей речи делал основной упор на то, что китайцы и

тайваньцы – братья по крови, члены одной семьи, и, значит, их последующее воссоединение неизбежно. Ма Инцзю хотя и признал, что жители обеих сторон Тайваньского пролива принадлежат к одной китайской нации этнически, но о будущем объединении он не говорил, а настаивал на «мирном сотрудничестве» между ними при соблюдении и уважении их интересов [см., Каимова А., 2015].

По мнению ряда экспертов, КНР испытывает явный недостаток «мягкой силы» на острове, что снижает эффективность экономической стратегии – тайваньцы находятся в активной стадии формирования новой идентичности. Как считает американский политолог Джон Миршаймер, за 65 лет отдельного проживания на Тайване сформировалась особая идентичность, и жители уже не хотят быть гражданами «еще одной китайской провинции». Если в 1992 году только 17,6% населения острова считали себя тайваньцами, то в 2013 году таких было уже 57,5%. Данные Обзора национальной безопасности Тайваня 2011 года говорят о том, что 80% жителей считают остров отдельным государством и, если бы не угроза военной атаки со стороны материка, решились бы на провозглашение независимости *de jure*. Вместе с тем 90% тайваньцев предпочитают сохранение *status quo* в течение неопределенного времени наилучшим вариантом [см., Mearsheimer J., 2013].

Учитывая заявления Цай Инвэнь о тесном сотрудничестве с США и необратимые процессы становления новой идентичности на острове – не без участия американских неправительственных организаций, Пекин вполне может вернуть Тайвань на страницы мировых изданий, заняв более

жесткую позицию по отношению к нему. В контексте ситуации стратегической неопределенности в американо-китайском противостоянии Тайвань вполне может стать еще одной «горячей точкой» на карте мира.

Интересной представляется точка зрения американского геополитика Роберта Росса, высказанная им еще в 1999 году, когда говорить о какой-либо биполярности в АТР было еще довольно проблематично. Ученый полагает, что географическая структура биполярности в АТР способствует смягчению глобального противостояния Вашингтона и Пекина. Регион геополитически делится на континентальную и морскую зоны. В континентальной части Восточной Азии господствует сухопутная держава – Китай, а океанические пространства контролируют США. Ни та, ни другая держава не обладают – и в обозримом будущем не будут обладать – возможностью бросить реальный вызов сопернику в его сфере влияния. Даже если Китай добьется полной гегемонии в материковой части Восточной Азии, это не поколеблет верховенства США на просторах Тихого океана, которое построено вокруг мощи американского флота и наличия морских союзных стран, таких как Япония или Филиппины. Более того, Росс утверждает, что в геополитическом отношении Корейский полуостров и Тайвань не представляют жизненно важного интереса для США. Даже если Китай поставит эти территории под свой контроль, господство Америки в морской зоне Восточной Азии не будет ослаблено [Ross R., 1999: 81-118]. В этой связи исследователь рекомендует США воздержаться от усиления военного присутствия в непосредственной

близости от Китая – в районах, которые имеют критическое значение для Пекина, но не играют жизненно важной геополитической роли для Вашингтона.

Вместе с тем следует понимать, что Белый дом вряд ли последует советам подобных теоретиков, даже несмотря на их логичность. Если Вашингтон откажется от поддержки своего пула традиционных союзников, сформированного еще во времена Холодной войны, – Японии, Республики Корея, Тайваня, Филиппин – это существенно подорвет его репутацию как суперарбитра и гаранта безопасности, что составляет основу американской гегемонии на Тихом океане.

В январе 2012 года президент США Б. Обама объявил о переориентации действий американских вооруженных сил на сдерживание угроз международной безопасности в АТР и особенно в Восточной Азии согласно десятилетней военной стратегии «Укрепление глобального лидерства США: приоритеты обороны в XXI веке» [см., Sustaining U.S. Global Leadership...]. Последовавшая за этим «перебалансировка» Вашингтона в АТР показала, что, сохраняя альянсы с Японией, Республикой Корея, Филиппинами, Австралией, администрация Обамы склоняется к тактике «конфронтации по доверенности» (*proximity-confrontation*), перенося бремя поддержания безопасности в регионе на своих союзников.

Ранее основные интересы США концентрировались в Северо-Восточной Азии и были направлены главным образом на предотвращение конфликтов на Корейском полуострове и в Тайваньском проливе. Сегодня действия США можно охарактеризовать как «объедине-

ние усилий по формированию нового правопорядка в регионе и мире», и они концентрируются скорее на ограничении роста комплексного могущества Китая [см., Американская стратегия..., 2015: 9-43].

В марте 2013 года советник президента США по национальной безопасности Т. Донилен на собрании Азиатского общества заметил, что одной из главных целей США является «построение стабильных, продуктивных и конструктивных отношений с КНР... Особое внимание должно быть уделено военным вопросам для недопущения потенциального соперничества» [см., Трифонов В.И....]. В ходе переговоров между Б. Обамой и Си Цзиньпином в Калифорнии в июне 2013 года стороны достигли договоренности об отказе от конфликтов и конфронтации, взаимоуважении, стремлении к взаимному выигрышу в отношениях. Однако на практике Пекину и Вашингтону так и не удалось выработать общего подхода к двустороннему взаимодействию.

Камнем преткновения для двух великих тихоокеанских держав остается тайваньский вопрос. Современная политика США по-прежнему направлена на сохранение *status quo* в Тайваньском проливе, на остров осуществляются поставки вооружений и военной техники. Вместе с тем растущая экономическая зависимость Тайваня от материка ставит под вопрос экономическую целесообразность для тайваньской администрации поддерживать «особые отношения» с Вашингтоном. Очевидно, что Белый дом уже не может, как прежде, использовать остров для оказания давления на КНР, скорее ему придется тщательнее планировать свои дей-

ствия, чтобы не вызвать обострений [Полякова Т., 2014: 3-27].

Исторический опыт преодоления кризисов

После победы Демократической партии на Тайване в 2016 году некоторые представители американского политического истеблишмента поспешили заявить о «полной и окончательной потере Тайваня для Китая». Сигналом утраты влияния Пекина стало «движение подсолнечников» – выступления студентов в 2014 году против открытия стратегических отраслей для участия китайских компаний, которые показали, что островитяне не считают себя частью «Поднебесной» ни культурно, ни экономически [см., Frish N., 2016]. Вместе с тем целесообразно вспомнить, что за историю отношений между островом и материком такие «окончательные потери» декларировались уже несколько раз, однако все время соображения стратегической целесообразности брали верх.

В ходе гражданской войны в Китае после Второй мировой войны и СССР, и США неоднократно предпринимали попытки прекратить конфликт Компартии и Гоминьдана, однако обе стороны отказывались идти на уступки. Позиции Чан Кайши существенно ослабли после ухода советских войск из Манчжурии и отказа США от его военной поддержки. В итоге остатки сил Гоминьдана покинули материковую часть Китая, а 1 октября 1949 года победившие коммунисты провозгласили создание КНР. Стоит вспомнить, что Мао Цзэдун с 1945 по 1949 гг. проводил переговоры с американцами, а вплоть до начала 1950 года Вашингтон не исключал дипломатического при-

знания КНР. Только начало политики маккартизма и усиление позиций военных, считавших Тайвань крайне перспективной военной базой, вкупе с советско-китайским Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1950 года окончательно утвердило Вашингтон в необходимости предотвращения захвата Тайваня коммунистами [см., Всемирная дипломатия...].

В декабре 1954 г. США заключили с правительством Чан Кайши на Тайване Договор о взаимной обороне, согласно которому Вашингтон обязался оказывать помощь в защите острова. Этому предшествовало заявление премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая о том, что Тайвань должен быть освобожден. В сентябре 1954 – феврале 1955 годов КНР предприняла операции против островов Изцзяншань и Дачэнь, при этом СССР призвал Пекин решить проблему на международном уровне с привлечением всех заинтересованных государств, не оказав ему прямой поддержки. Только после фактической угрозы президента Д. Эйзенхауэра применить ядерное оружие против КНР Чжоу Эньлай заявил о прекращении огня и намерениях вернуть Тайвань мирным путем.

В январе 1955 года Конгресс США принял резолюцию, разрешавшую президенту применить военную силу при необходимости защитить Тайвань и связанные с ним позиции и территории. Тем не менее в августе 1958 года НОАК начала обстрел островов Мацзу и Цзиньмэнь, находившихся под контролем Гоминьдана в непосредственной близости от китайского побережья. США направили в пролив военные корабли, в том числе с ядерным оружием на борту, чем продемонстрировали

свои серьезные намерения. Вместе с тем Вашингтон параллельно фактически уговаривал гоминьдановскую администрацию сдать данные острова для недопущения эскалации кризиса. Удаленную позицию занял Советский Союз, сославшись на несогласованность действий китайцев и отказавшись от военной поддержки КНР в случае конфликта с США. Только после прохождения пика кризиса – в сентябре 1958 года – Н.С. Хрущев направил Д. Эйзенхауэру резкое, но запоздалое послание, где предупреждал о недопустимости нападения США на КНР. Однако фактически судьба мира в тот момент была решена Пекином и Вашингтоном – последнему стала ясна готовность коммунистического Китая добиться победы даже в условиях применения против него ядерного оружия, на что американская администрация все же решиться не смогла. В октябре 1958 года министр обороны КНР Пэн Дэгуай предложил заключить перемирие с националистами и прекратить военные действия, что с облегчением было встречено как в США, так и в СССР [см., Second Taiwan...].

Данный эпизод фактически привел к двум важнейшим геополитическим результатам, существенно изменившим мир. Во-первых, советско-китайские отношения постигла необратимая деградация, вылившаяся в прямые вооруженные столкновения на острове Даманский и у озера Жаланашколь в 1969 году. Во-вторых, США и Китай приступили к переговорам о нормализации отношений, в результате которых в 1971 году своего места в ООН лишился Тайвань, а в 1979 году Пекин и Вашингтон не только наконец-то *de jure* признали друг друга, но и негласно

начали вместе противодействовать СССР на фронтах Холодной войны (например, в ходе войны в Афганистане).

В 1995 году после проведения на Тайване парламентских выборов и очередных масштабных маневров НОАК руководство США решило наглядно продемонстрировать обеим сторонам, что такое политика «стратегической неопределенности». Сначала 19 декабря 1995 г. через Тайваньский пролив прошла американская эскадра, возглавляемая авианосцем «Нимиц»; через месяц десантный корабль ВМС США зашел в шанхайский порт с дружественным визитом. Эти действия не сопровождались никакими заявлениями официальных лиц, но были истолкованы комментаторами как несомненный сигнал Вашингтона Пекину и Тайбэю: «проявляйте сдержанность, Соединенные Штаты остаются главным силовым арбитром ситуации вокруг тайваньской проблемы» [см., Wang K..]. С 8 по 25 марта 1996 г. военные корабли КНР осуществляли в зоне Тайваньского пролива учебные стрельбы ракет, которые поражали учебные цели в непосредственной близости от Тайваня. Действия КНР фактически представляли собой целенаправленное военное давление на тайваньских избирателей накануне и во время президентских выборов, поскольку на острове набирала обороты стремящаяся к провозглашению независимости Демократическая партия.

США немедленно направили в стомильную зону от Тайваня соединения во главе с двумя авианосцами, однако корабли ни в пролив, ни в зону учений НОАК не входили. В дни, непосредственно предшество-

вавшие выборам на Тайване, НОАК и американские военные соревновались в зрелищности. В ответ на учебные вылеты китайских истребителей американские самолеты поднимались с авианосцев и отрабатывали перехваты и бомбовые удары [см., Wang K..].

Подтвердивший в результате выборов свои полномочия еще на 4 года Ли Дэньхуэй прекрасно понимал, что пришло время для успокоения всех сторон, и старался обходить недавние события, приняв также решение о переносе на более поздний срок учений тайваньской армии, запланированных на апрель 1996 года.

Соединенные Штаты в ходе кризиса весны 1996 года постоянно находились в положении реагирующей стороны: им приходилось искать способы защиты своих интересов в Китае и на Тайване в условиях проходящих попеременно из Пекина и Тайбэя политических «вызовов». Впервые за время реализации США политики «стратегической неопределенности» перед ними встала задача адекватного противостояния силовому нажиму Китая на Тайвань. Администрация Клинтона пыталась решить все связанные с этим проблемы в рамках Закона об отношениях с Тайванем, и хотя, по мнению критиков, она не всегда действовала достаточно жестко, в решающий момент, в марте 1996 г., в зону противостояния были направлены американские авианосцы, и таким образом законодательно зафиксированные гарантии безопасности Тайваня оказались реализованными на практике.

Для Пекина события 1996 года послужили фактическим подтверждением его способности держать под контролем политическую ситуацию на Тайване даже в условиях де-

мократизации последнего. Силовое давление с помощью демонстративных масштабных военных учений с боевыми стрельбами оказалось действенной силой и обеспечило резкое падение избирательных рейтингов политиков, придерживающихся радикальных сепаратистских взглядов. Главным средством запугивания населения Тайваня стало использование в ходе учений тех видов вооружений, в отношении которых оборона острова была наиболее уязвима, – баллистических ракет и подводных лодок.

Интересно, что после «мини-кризиса» 1996 года, который закончился скорее дипломатической победой КНР, китайско-американские отношения стали стремительно ухудшаться, что дало толчок к интенсификации российско-китайского взаимодействия.

Учитывая опыт решения более ранних «тайваньских кризисов», можно предположить, что и далее судьба острова будет решаться исключительно через прямые переговоры между Вашингтоном и Пекином. При этом США даже в условиях подавляющего военного превосходства над НОАК и весьма робкой позиции СССР/России не решались на крайние меры, оставляя «поле боя» за китайцами.

Эволюция видения «тайваньской проблемы» в КНР

После дипломатического признания коммунистического Китая Соединенными Штатами в 1979 году отношения по обе стороны пролива постепенно стали налаживаться без помощи нового «большого брата». После взятия руководством КНР курса на модернизацию страны и от-

каза от агрессивной внешней политики времен культурной революции в Пекине стало расти осознание, что развивающаяся быстрыми темпами тайваньская экономика способна стать существенным подспорьем и в развитии материка, а кроме того, более миролюбивая позиция по отношению к острову способствовала и улучшению отношений с США, а также со странами Западной Европы как важными экономическими партнерами. В январе 1979 года Пекин выпустил «Обращение к тайваньским соотечественникам», где предложил вариант мирного объединения после прямых переговоров между КПК и Гоминьданом. По инициативе Дэн Сяопина в жизнь стала претворяться формула «одна страна – две системы» (или «одно государство – два строя»), фактически направленная на создание Pax Sinica. В 1981 году председатель ПК ВСНП Е Цзяньин изложил так называемые «Девять пунктов», предусматривавших беспрецедентную степень автономности острова. Силовым вариантом тем не менее не исключался, что вызвало у тайбэйской администрации определенные сомнения в искренности материковых соотечественников [Ларин А.Г., 2013:223-240].

Только в 1991 году Тайбэй заявил о прекращении периода всеобщей мобилизации для подавления коммунистического мятежа, фактически перестав рассматривать себя как законное правительство всего Китая. Тогда же тайваньское правительство обнародовало поэтапную программу объединения на принципах политической демократии и экономической свободы. Одновременно с этим в КНР была учреждена Ассоциация по отношениям через пролив, а на Тайване – Совет по взаимоотно-

шениям с континентальным Китаем, в рамках которых проходили переговоры по сотрудничеству через пролив. В 1992 году переговоры зашли в тупик, поскольку «под единым Китаем каждая из сторон подразумевала свою собственную интерпретацию» [см., Артемьев М.А., 2010].

Поэтапный рыночно-демократический вариант объединения оказался неприемлемым для Пекина, и в 1995 году генсек КПК Цзян Цзэминь изложил «восемь пунктов» по принципам сотрудничества и объединения двух берегов Тайваньского пролива [см., Жэньминь жибао, 1995]. При этом было объявлено, что Китай может применить оружие исключительно против попыток внешних сил вмешаться в дело объединения Китая и осуществить независимость Тайваня.

Целесообразно отметить, что некоторой активизации отношений через пролив способствовало ухудшение отношений с Западом после событий на площади Тяньаньмэнь. Развитие экономических и общественных связей с Гонконгом (до его возвращения в 1997 году) и Сингапуром способствовало некоторому сближению с Тайванем. В итоге, даже несмотря на приход к власти сторонников Демократической прогрессивной партии в 2000 году, Пекин еще более смягчил принцип «одного Китая», перестав указывать, что остров является неотъемлемой административной частью КНР, и отмечая, что «один Китай» не является чем-то определенным до конца [Шицзе чжиши, 2001].

Фактически с 2000 по 2008 год отношения через пролив были заморожены, поскольку демократические силы на острове предпринимали ряд шагов, противоречащих пози-

циям КНР. К ним, в частности, можно отнести принятие Закона о референдуме, подготовку Конституции (так и не принятой), отказ от Программы и Совета по национальному объединению, а также проведение опросов и референдума о принятии Тайваня в ООН.

Генсек КПК Ху Цзиньтао в середине 2000-х годов поставил задачу «перехода к активной политике», призвал «тащить дракона всем миром» и «возлагать надежду на народ» [см., Бэй Синцянь, 2006]. В 2005 году лидер оппозиционного тогда Гоминьдана Лянь Чжань посетил Пекин, в результате чего были достигнуты договоренности о создании механизма экономического сотрудничества и единого рынка, а также об укреплении доверия в военной сфере. На XVII съезде КПК в октябре 2007 года был закреплён курс на урегулирование тайваньской проблемы мягкими методами.

После прихода к власти на Тайване Гоминьдана в 2008 году стороны взяли курс на построение единой нации, Пекин окончательно сделал ставку на мирную интеграцию экономическими средствами. В апреле 2008 года состоялась встреча на острове Хайнань между Ху Цзиньтао и вице-президентом тайваньской администрации Винсентом Сяо, ставшая первым контактом настолько высокого уровня [см., Акопов П., 2015]. О применении силы заявлялось все реже, даже в контексте периодических военных закупок Тайваня в США и странах Европы.

При «пятом поколении» руководителей во главе с Си Цзиньпином в КНР все чаще стали говорить о необходимости отказа от чрезмерно мягкой внешней политики в духе принципа «сокрытия возможностей» Дэна

Сяопина. Отношениям с США Пекин намерен придавать большое значение, но для укрепления в качестве центра силы Китай намерен отстаивать свои интересы более последовательно [Фролова И.Ю., 2015: 66-91].

В апреле 2013 года Пекин выпустил Белую книгу по обороне, где в числе вызовов, с которыми ему предстоит столкнуться, определены следующие:

- 1) расширение военного присутствия США и укрепление их военных альянсов в АТР;
- 2) угрозы территориальному суверенитету и правам КНР на море со стороны некоторых соседних стран;
- 3) активизация терроризма, сепаратизма и экстремизма.¹

Фактически Белая книга 2013 года стала первым доктринальным документом, где не говорилось открыто о наличии «тайваньского вопроса». Китай стал мыслить и действовать более глобально, окончательно поместив Тайваньский пролив в зону *mare nostrum* («своего моря»).

Военная стратегия Китая, выпущенная в мае 2015 года,² выделяет следующие стратегические задачи развития вооруженных сил:

- 1) реагировать на широкий спектр военных и чрезвычайных угроз и эффективно защищать суверенитет и безопасность территории КНР, морских и воздушных пространств;
- 2) непоколебимо защитить объединение Родины;
- 3) обеспечить защиту интересов безопасности КНР в новых областях, а также за рубежом;
- 4) поддерживать ситуацию стра-

тегического сдерживания и быть в состоянии нанести ответный удар с использованием ядерного оружия;

5) участвовать в региональном и международном сотрудничестве по вопросам безопасности и поддерживать региональный и глобальный мир;

6) усилить борьбу против экстремизма, сепаратизма и терроризма в целях поддержания политической безопасности и общественного порядка в КНР;

7) выполнять задачи по ликвидации последствий ЧС и стихийных бедствий, осуществлять охрану и защиту интересов экономического и социального развития.

Интересно, что напрямую задача силового захвата острова в случае провозглашения им независимости снова не ставится, однако «непоколебимая защита объединения Родины» намекает на возможность применения силы в случае, если у Пекина не останется иных способов защитить свои интересы.

Несмотря на то что Пекин препятствует участию Тайваня в международных организациях, в экспертной среде не исключается его привлечение для решения ряда важных региональных вопросов. Как отмечают эксперты Китайской академии современных международных отношений, тайваньская администрация все еще не желает сотрудничать с КНР в полном объеме. Между тем поддержка Тайбэя могла бы оказать содействие в разрешении территориальных споров КНР с государствами АСЕАН в Южно-Китайском море. Вполне вероятно, что так называемая «девятипунктирная линия», предложенная еще Гоминьданом, при согласовании Пекином и Тайбэем позиций могла бы значительно увеличить шансы подтвердить

¹ Доступно на сайте агентства «Синьхуа». URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-04/16/c_132312681.htm

² Министерство обороны КНР: официальный сайт. URL: <http://eng.mod.gov.cn/Database/WhitePapers/2014.htm>

легитимность китайских притязаний [Fu Yu Reflection..., 2015: 72-83]. При этом эксперты уверены, что односторонние притязания Тайваня на острова в Южно-Китайском море обречены на провал – он не является членом ООН, и дело в любой инстанции будет рассмотрено в пользу, например, Филиппин. Таким образом, Тайбэй может приобрести возможность использования некоторых частей акватории Южно-Китайского моря, только заручившись поддержкой КНР, как юридической, так и военной [см., Jennings R., 2016].

Военные возможности КНР для силового решения

На протяжении современной истории Китай традиционно полагался на сухопутную мощь, его ВМС обычно не располагали большой мощью и были ориентированы на действия вблизи своих берегов. Под влиянием масштабных экономических реформ и необходимости защиты национальных интересов с конца 80-х годов XX в. КНР пытается создать свой «флот открытого моря» – военно-морские силы, способные действовать на океанских просторах. Пекин делает ставку на асимметричную стратегию ограничения доступа к определенным территориям (anti-access/area denial) при совершенствовании потенциала ВМС НОАК: разрабатываются противокорабельные баллистические ракеты, многоцелевые субмарины, многофункциональные системы боевого управления на принципе C4ISR [China Naval Modernization..., 2013: 8], крылатые ракеты воздушного, морского и берегового базирования, корабельные средства ПВО и ПРО.

Модернизация флота первоначально была обусловлена главным образом стремлением достичь решающего перевеса в зоне Тайваньского пролива в случае эскалации конфликта. Вместе с тем, по мере того как снижается агрессивность в отношениях между материком и островом, а также смещаются акценты в тихоокеанской стратегии Вашингтона, в военно-морской деятельности Пекина появляются иные приоритеты [Ibid].

По данным Министерства обороны США, для Китая факторами, определяющими направленность развития флота, стали следующие:

1) территориальные притязания в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и возможные конфликты с конкурирующими государствами [см., Maritime Territorial Disputes...],

2) недопущение иностранной военной активности в пределах китайской 200-мильной зоны [см., Maritime Territorial...];

3) защита путей экспорта энергоресурсов из бассейна Персидского залива;

4) возможная защита интересов и в случае необходимости эвакуация китайских граждан за рубежом;

5) снижение американского влияния на Тихом океане.

Среди военно-политического руководства Китая также популярна концепция «цзюэсе чжуансинь» (смены политических ролей), согласно которой статус государства на региональной или глобальной арене может измениться под воздействием двух причин. Первая – неудовлетворенность государства своей ролью в сообществе, отведенной ему другими его членами. Вторая – несоответствие внешних или внутренних

факторов действительному положению государства. В обоих случаях статус может быть скорректирован с помощью комплекса методов, в том числе военного характера [Гурулева Т..Л., Макаров А.В., 2001: 76-90].

В условиях углубления мирового кризиса именно военный флот становится особенно важным с точки зрения обеспечения не только военной, но и экономической безопасности, как то: защиты коммерческого судоходства в китайских интересах в любой точке мирового океана, а также охраны зон рыбной ловли и добычи природных ресурсов. В этой связи особое значение имеет тезис о соответствии потенциала военно-морского флота совокупной мощи Китая в целях повышения международного авторитета [Мануков С., 2014].

Силы ВМС НОАК разделены на три флота – Северный, Восточный и Южный, каждый из которых имеет в своем составе надводные корабли, подводные лодки, морскую авиацию (базовую), силы береговой охраны. В состав Южного флота также входят две бригады морской пехоты. Организационно командование флота подчиняется Генштабу НОАК и Центральному военному совету [Справочные данные..., 2010:67-112].

Ввиду особенностей потенциального театра военных действий в случае эскалации ситуации в районе Тайваньского пролива основную боевую работу будут выполнять ВМС НОАК, а именно Восточный и Южный флоты.

Стоит отметить, что если еще в 1990-е годы ВМС Тайваня представляли грозную силу, способную предотвратить вторжение с материка, то сегодня ситуация существенно изменилась.

Китайский флот постепенно получает современные боевые корабли, включая эсминцы, способные выполнять весь спектр задач по борьбе с воздушным и надводным противником, а также исполнять функции корабля управления в ударных группах, однако их главная задача – дальняя ПВО [Китай совершил...,2011]. К 2020 году в строй вступят корабли, оснащенные крылатыми ракетами большой дальности для ударов по береговым объектам, а также способные выполнять задачи ПРО ТВД.

ВМС НОАК пока обладают недостаточным количеством кораблей противолодочных сил. Это удастся исправить не ранее 2020 года, когда в строю будет более 30 кораблей класса «фрегат» новых типов.

Мощный «москитный флот», состоящий из малозаметных скоростных катеров, вкупе с боевой авиацией и береговыми ракетными комплексами делает крайне затруднительным проведение каких-либо операций вблизи китайского побережья.

Существенную боевую ценность имеет китайский подводный флот. По современным оценкам Министерства обороны США, на боевом дежурстве находятся две многоцелевые атомные лодки нового поколения, а к 2020 году планируется довести их численность до шести. При этом новые АПЛ также могут нести ударное оружие [Shang...]. Согласно имеющимся данным, в составе ВМС НОАК находится до 56 дизель-электрических подводных лодок, в том числе новейшего образца [China Naval Modernization...,2013:13].

Несмотря на наличие «мятежной провинции Тайвань», ВМС НОАК традиционно обладали ограничен-

ным потенциалом по организации операций по высадке десанта ввиду отсутствия специализированных кораблей – значительную часть флота составляли средние и малые десантные корабли устаревших типов и малые высадочные средства. В Пекине считали, что при массовой и организованной поддержке авиации и флота амфибийная операция на Тайвань может сложиться удачно. Вместе с тем о намерении КНР устранить данный пробел в военно-морской доктрине свидетельствует ввод в строй в 2008 году десантно-высадочного корабля-дока проекта 071. Вместимость его оценивается в четыре десантных катера на воздушной подушке, до 800 человек десанта с 60 единицами техники, до четырех вертолетов. Сегодня таких кораблей в ВМС НОАК уже четыре [Jane's..., 2012-2013: 166–167]. Кроме этого, в составе ВМС НОАК имеется до 30 больших десантных кораблей, которые начали вступать в строй с середины 90-х годов XX в. и еще строятся. Вместимость данных кораблей различается в зависимости от серии – 120–250 человек пехоты, 8–12 танков, вертолет. В июне 2013 года на Украине были закуплены и четыре больших десантных катера на воздушной подушке [см., Minnie Chan Experts..., 2013]. Подтверждает намерения китайского руководства повысить амфибийные возможности вооруженных сил и план строительства универсального десантного корабля проекта 081, сравнимого с американскими УДК типа «Уосп». Корабль будет способен высаживать 1100 морских пехотинцев с тяжелым вооружением с вертолетов и десантных катеров. Первый корабль войдет в состав ВМС НОАК уже через пять лет, потребность оценива-

ется в 4 единицы [Parsons T., 2012]. Иными словами, сегодня ВМС КНР могут эффективно использовать потенциал бригад морской пехоты и высаживать десант на неподготовленное побережье. При обеспечении превосходства на море и в воздухе десантная операция может быть эффективной даже сейчас.

Можно утверждать, что даже имеющегося потенциала ВМС НОАК вполне достаточно, чтобы полностью парализовать действия тайваньского флота и отрезать его морские коммуникации в случае конфликта. Тайваньский флот в основном представлен устаревшими боевыми кораблями американского производства и сравнительно новыми французскими фрегатами, имеющими боевую ценность только против надводного противника за счет оснащения современным противокорабельным оружием. Противолодочная и противовоздушная оборона ВМС Тайваня – скромная. Определенный урон противнику могут нанести многочисленные ракетные катера и две подводные лодки голландской постройки, а также батареи ПКР, развернутые в районе островов Мацзу и Цзиньмэнь. Создание современных субмарин и фрегатов национальной разработки потребует значительных времени и усилий, приобретение их за рубежом становится все более сложной задачей в условиях противодействия со стороны КНР закупкам новых вооружений. В целом, как отмечают эксперты, выживаемость тайваньского флота в случае столкновения с ВМС НОАК крайне мала. Более действенным сдерживающим фактором для Китая является возможный ущерб морской торговле [см., Тебин П., 2011].

Деятельность китайского флота объективно будет захватывать

в сферу своего военного доминирования американских союзников, а затем, возможно, и российский Дальний Восток. На первом этапе Китай планирует обрести военноморское господство в «ближней зоне» – Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях (на острове Хайнань строится база подводных лодок КНР). На втором этапе (к 2020 году) предполагается получить возможность активного противодействия военноморским силам США в «средней зоне» – Охотском, Японском морях и на пространствах до Марианских и Каролинских островов. На третьем этапе (после 2020 года) Китай намерен получить возможность противостоять флоту США в «дальней зоне» – до Гавайских островов [см., Арбатов А., 2014].

Современное развитие ВМС НОАК укладывается в рамки доктрины создания флота для действий в ближней океанической зоне. Можно утверждать, что задачи противодействия силам ВМС США пока носят второстепенный характер, делается акцент на сдерживание региональных конкурентов и постепенный выход в открытые воды. Рост технического уровня и численности состава флота пока не дает Китаю решающего морского превосходства в регионе, однако неизменно представляет угрозу для ключевых государств АТР, включая Российскую Федерацию [Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В., 2013:50-51].

Возможности ВМС НОАК уже сегодня существенно превосходят задачи по обеспечению превосходства в зоне Тайваньского пролива, они скорее нацелены на обеспечение регионального превосходства и защиту интересов удаленных районах.

Аналогичным образом не в пользу Тайваня складывается ситуация в воздухе, хотя и со своими особенностями. Основу боевых подразделений ВВС НОАК сегодня составляют современные боевые самолеты тактической авиации как национальной разработки, так и российского образца. Тайваньская авиация тем не менее обладает почти двумя сотнями современных истребителей, способных оказать некоторое сопротивление, особенно действуя вместе с зенитно-ракетными системами «Пэтриот».

Китай обладает крайне немногочисленными самолетами ДРЛОиУ, реального опыта наведения авиagрупп у них нет, как и опыта взаимодействия с флотом, ничего не известно и об авиационных средствах РЭБ. Потому в воздухе китайцы будут прежде всего полагаться на «эффект масштаба», и «битва за Тайвань» для ВВС НОАК первоначально будет сопряжена со значительными потерями. Вместе с тем китайцы смогут покрыть потери в авиации переброской соединений из других районов (например, северо-востока или северо-запада). В перспективе Китай компенсирует потери за счет активного строительства новых самолетов (ежегодные темпы обновления – 100 машин) [см., Храмчихин А.А., 2012], тогда как тайваньцы пополняют ВВС крайне медленно и нерегулярно, а широкомасштабные закупки ими американской техники представляются проблематичными как по финансовым, так и по политическим соображениям. Кроме того, потенциал тайваньских ВВС может быть существенно обесценен массированными ракетными ударами с материка. Имеются данные, что система ПРО острова уже сейчас способна

перехватить до 72 баллистических ракет одновременно, а для поражения каждого военного объекта на острове требуется не менее 18 [см., Easton I. M., 2014], однако проверить реальность данных расчетов проблематично.

Ситуация на море и в воздухе может значительно измениться в случае прямого вмешательства в конфликт США и Японии против КНР, однако подобное развитие событий сегодня уже не так вероятно, как, например, еще в 1990-е годы.

Потенциал сдерживания вмешательства США

Бесспорно, эскалация «тайваньского конфликта» со стороны Китая будет основываться и на его превосходстве в ракетных вооружениях, что помимо военного значения может служить также и фактором сдерживания США от вмешательства.

США придерживаются политики «стратегической неопределенности» (*strategic ambiguity*) в отношении «тайваньской проблемы». Смысл этой линии заключается, как известно, в том, что Америка отказывается предоставить Тайваню твердые гарантии защиты, удерживая его тем самым от авантюристических шагов (таких как провозглашение независимости), но в то же самое время включает его в периметр своих стратегических интересов, посылая сигнал Пекину о недопустимости применения силы в отношении Тайбэя.

Экономическое развитие Китая само по себе, несомненно, не представляет прямой и явной угрозы Соединенным Штатам, военные приготовления, включая развитие стратегических ядерных сил,

также напрямую не направлены против Вашингтона, а китайские лидеры вовсе не стремятся к полномасштабной войне, вопреки оценкам некоторых экспертов, которых можно отнести к противникам Китая (*China-bashers*) [см., Babbitt J., Timperlake E., 2006]. Более того, суммируя мнения американских специалистов по Китаю, можно прийти к выводу, что возможностей от развития КНР для США все-таки больше, нежели опасностей, а если относиться к Пекину как к врагу, то рано или поздно он таковым и станет [Friedberg A., 2012: 5].

Наличие у Китая ядерного оружия и стратегических носителей является достаточным основанием для поддержания постоянного диалога на высшем уровне и мощным фактором сдерживания. Американский политолог Э. Голдстейн полагает, что ситуация ядерного сдерживания существенно уменьшит опасность от обретения Китаем статуса глобальной державы, так как его поведение станет более предсказуемым [Goldstein A., 1997/1998: 70]. Однако пока США и Китай не находятся в подобной патовой ситуации. Стратегические ядерные силы КНР ограничены количественно и качественно препятствиями технологического характера, что делает любое упоминание собственного ядерного оружия в политическом диалоге невыгодным. Пекин также полагается на действенность собственного заявления о неприменении ни при каких условиях ядерного оружия первым против любого противника в качестве гарантии от ядерного удара [Общая характеристика...].

Более того, опыт американско-советского ядерного сдерживания показывает, что сверхдержавы охотно

вступали в противоборство опосредованно на мировой периферии, не признавая открытого конфликта между собой [см., Barrass G., 2009; Стародубов В.П., 2007].

По прогнозам американских экспертов, к 2020 году Китаем может быть достигнут потенциал так называемого доктринального или ограниченного ядерного сдерживания. Главное планируемое нововведение – система раннего предупреждения о ракетном нападении, которой КНР в настоящее время не обладает [см., Barrass G., 2009; Стародубов В.П., 2007]. НОАК, по всей вероятности, намерена усиливать возможности регионального сдерживания, что может компенсировать недостаточный пока потенциал поражения материковой территории США.

В январе 2014 года Китай провел испытания гиперзвуковой ракеты, которая может нести как обычную, так и ядерную боевую часть, однако последующие пуски оказались неудачными, и точных сведений о разработках в данной области не имеется [см., Bender J., 2014]. Тогда же, в 2014 году, Китай подтвердил наличие у него некоторого количества ракет средней дальности DF-26С (дальность 3500 км), так называемых «убийц Гуама», с ЯБЧ [“Guam Killer”..., 2014]. На наземных пусковых установках также с 2007 года развернуто от 40 до 55 крылатых ракет CJ-10 с дальностью 1500 км, общий их арсенал оценивается в 500 единиц, они могут запускаться с бомбардировщика H-6K, а в перспективе с надводных кораблей и подводных лодок [Lennox, D., 2000:12]. Своеобразным оружием сдерживания также является противокорабельная баллистическая ракета DF-21D, способная по-

разить обычной маневрирующей боевой частью подвижную надводную индивидуальную цель на расстоянии до 1500 км. Ракету уже окрестили «убийцей авианосцев», ее развертывание должно было начаться в конце 2015 года [Ballistic Trajectory..., 2010].

Можно утверждать, что ракеты нестратегической дальности – один из приоритетов развития ядерных сил ввиду наличия в Северо- и Юго-Восточной Азии американской военной инфраструктуры. По мнению ряда экспертов, такие ракеты вкупе с развитием электронных систем обнаружения, целеуказания и наведения представляют серьезную опасность для ВМС США и их союзников в западной части Тихого океана [см., Erickson A.S., 2010].

По мнению экспертов авторитетного издания «Джэйнс», наибольшую опасность для США представляют МБР с РГЧ ИН на мобильных платформах, а также новые китайские ПЛАРБ, находящиеся в патруле. В течение пяти ближайших лет китайские СЯС смогут всерьез подорвать американскую стратегию сдерживания и «поставят крест» на Японии, Тайване и американских военных базах в СВА и ЮВА как «непотопляемых авианосцах». До конца 2015 года китайская спутниковая группировка может насчитывать до ста аппаратов, что существенно укрепит архитектуру C4ISR³ и повысит эффективность всех вооруженных сил в целом [Malenic M., 2014].

Бесспорно, китайское ядерное оружие не является серьезным аргументом в споре, однако следует учитывать, что в отношении Тай-

³ C4ISR – Command, Control, Communications, Computers, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance.

ваня не могут быть применены так называемые позитивные гарантии со стороны США. Иными словами, применение против Тайваня ядерного оружия не инициирует ядерного удара со стороны США.

Варианты и сценарии решения тайваньского вопроса

По мнению американского политолога Л. Голдстейна, «тайваньская проблема» может быть решена через практику параллельных действий США и КНР в виде так называемой спирали сотрудничества. Предложенные им шаги должны способствовать установлению доверительных отношений между Пекином и Вашингтоном и выработке *modus vivendi* в Восточной Азии. По мнению Голдстейна, Тайвань является не самостоятельным актором в сфере безопасности, а скорее «площадкой для американо-китайской большой игры». Как отметил Генри Киссинджер, «успешное решение тайваньской проблемы – ключ к устойчивому американо-китайскому партнерству. И дверь, которую открывает этот ключ, ведет в светлое будущее». «Спираль сотрудничества» должна состоять, в свою очередь, из следующих шагов:

шаг Вашингтона №1: США сокращают численность контингента на Гуаме, начиная с личного состава Корпуса морской пехоты;

шаг Пекина №1: Китай соглашается на начало переговоров по созданию мер доверия без выдвижения политических условий;

шаг Вашингтона №2: США предоставляют Китаю полную информацию о сотрудничестве с Тайванем и отзывают своего военного представителя с острова;

шаг Пекина №2: Китай отводит ракеты малой дальности и крылатые ракеты с дальностью до 1000 км от Тайваньского пролива;

шаг Вашингтона №3: США начинают процесс переговоров по закреплению статуса Тайваня;

шаг Пекина №3: Китай признает право Тайваня участвовать в международных режимах и институтах;

шаг Вашингтона №4: США отказываются от продажи современных вооружений Тайваню;

шаг Пекина №4: Китай воздерживается от строительства десантных кораблей и катеров;

шаг Вашингтона №5: США прекращают поставку любых вооружений на Тайвань;

шаг Пекина №5: Китай публично отказывается от использования силы в отношении Тайваня в качестве части мирного процесса объединения на принципе конфедерации [Goldstein L.], 2015:400].

Реально взвешивая военно-стратегическую расстановку сил, а также степень экономической взаимозависимости между США и КНР, можно утверждать, что, несмотря на рост американо-китайских противоречий, Тайвань вряд ли способен стать причиной глобального противостояния двух систем. Для применения силы Китаем в отношении острова необходимы следующие предпосылки:

– беспрецедентный рост национализма и агрессивности во внешней политике КНР,

– прямой вызов со стороны тайваньской администрации в виде провозглашения независимости,

– поддержка со стороны США и их союзников в виде поставок современных вооружений на остров и разворачивания там собственной военной инфраструктуры.

В современных условиях сочетание всех трех компонентов видится маловероятным. В случае же принятия Чжуннаньхаем решения о применении силы в отношении острова, не спровоцированного действиями США, последние, вероятно, не рискнут начинать новую мировую войну ради того, что и так по сути является китайским, но «с тайваньской спецификой».

Библиография

- Акопов П. Китайцы сближают два берега пролива // Взгляд: деловая газета. 07.11.2015 // <http://www.vz.ru/world/2015/11/7/776725.html>
- Американская стратегия перебалансировки сил в АТР и интересы национальной безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2015. №4.
- Арбатов А. Азиатско-тихоокеанская стратегическая панорама стремительно меняется. // Независимое военное обозрение. 21 февраля 2014 г. // http://nvo.ng.ru/realty/2014-02-21/1_asia.html
- Артемиев М.А. Лягушка в кипящей воде // Дипкурьер. 18.01.2010 // http://www.ng.ru/courier/2010-01-18/10_taiwan.html
- Барабанов М.С., Кашин В.Б., Макиенко К.В. Оборонная промышленность и торговля вооружениями КНР: Центр анализа стратегий и технологий, Российский институт стратегических исследований. М., 2013.
- Бэй Синцянь. Чжун гун цзинь ци дуй Тай жэнь ши цзи чжэнцэ пинси // Оу Я яньцзю тунсюнь (Кадрь и политика КПК в тайваньских делах за последнее время // Новое в европейско-азиатских исследованиях. V. 9. № 9. Sept. 2006.
- Всемирная история дипломатии: открытый интернет-проект // http://www.diphis.ru/obrazovanie_knr_i_raskol_kitaya-a892.html
- Гурулева Т.Л., Макаров А.В. Китай: многостороннее сотрудничество в системе безопасности Северо-Восточной Азии (Россия, США, РК, Япония, Монголия, КНДР). М.: Юрист. 2011.
- Каимова А. Прочно стоим на месте – Китай и Тайвань // Российский Совет по международным делам. Комментарии экспертов РСМД. 11.11.2015. // http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=2163
- Кашин В. Второй мир: Тайвань уплывает от Китая // «Ведомости», 21.01.2016. № 3998. // <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/21/624836-taiwan-ot-kitaya>
- Китай совершил технологический рывок. // Военный паритет. 22 июля, 2011 г. // http://www.militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perevodnie/1636/
- Ларин А.Г. Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. Сборник статей. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
- Мануков С. Стремление к господству. // Эксперт. 23 января 2014 г. // <http://expert.ru/2014/01/23/stremlenie-k-gospodstvu/>
- На президентских выборах на Тайване победили сторонники независимости // Лента.ру, 16.01.2016 // <https://lenta.ru/news/2016/01/16/taiwan/>
- Общая характеристика ядерной политики КНР / интернет-сайт Центра политических исследований в России (ПИР-Центр) // <http://www.pircenter.org/static/obschaya-harakteristika-yadernoj-politiki-kr>
- Справочные данные о вооруженных силах зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 7.
- Стародубов В.П. От разоружения к капитуляции. – М.: Вече, 2007.
- Тебин П. Восточный вектор: морские доктрины и будущее ВМС стран АТР // Национальная оборона. 05.09.2011 // <http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0905/20267272/detail.shtml>
- Фролова И.Ю. Особенности американо-китайского взаимодействия в АТР в условиях усиления присутствия США в регионе // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 4.
- Храмчихин А.А. Китайское пятое поколение. // Независимое военное обозрение. 07.12.2012. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2012-12-07/1_china.html
- Acton J., Dill C. and Lewis J. “Crashing Glid-

er, Hidden Hotspring: Analyzing China's August 7, 2014 Hypersonic Glider Test," 4 September 2014. // <http://lewis.armscontrolwonk.com/archive/7443/crashing-glider-hidden-hotspring>

Babbin J., Timperlake E. Showdown: Why China wants War with the United States. Washington D.C.: Regnery, 2006.

Ballistic Trajectory – China Develops New Anti-Ship Ballistic Missile // Jane's Intelligence Review, 4 January 2010

Barrass G. The Great Cold War: a Journey through the Hall of Mirrors. Stanford: Stanford University Press, 2009.

Bender J. "The US and China Are In A Race To Develop Next-Generation Hypersonic Missiles," Business Insider, 3 September 2014 // <http://www.businessinsider.com/hypersonic-weapons-arm-race-2014-9>

Chan, Minnie. Experts dismiss PLA Navy's landing craft from Ukraine as giant toys. // South China Morning Post, June 25, 2013.

China Naval Modernization: Implications for US Navy Capabilities / by Ronald O'Pourke. September 30, 2013. Congressional Research Service Report RL33153.

Easton, Ian M. The U.S.-China Economic and Security Review Commission. Hearing on China's Relations with Taiwan and North Korea Thursday, June 5, 2014 // http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/transcripts/Hearing%20Transcript_June%205,2014.pdf

Erickson, Andrew S. Ballistic Trajectory – China develops new anti-ship missile // Jane's Intelligence Review, January 4, 2010.

Friedberg A. A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia. W.W. Norton & Company, New York. 2012.

Fu Yu. Reflection Maritime Disputes and US-China Relations // Contemporary International Relations. 2015. Vol. 25, #6. P. 72–83.

Goldstein, A. Great Expectation: Interpreting China's Arrival // International Security. Vol. 22, #3. Winter 1997/1998.

Guam Killer "Missile Inadvertently Revealed in China: Report," Want China Times, 11 September 2014 // <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20140911000065&cid=1101>

Jennings, Ralph. How Taiwan Could Lose Its Claim to the South China Sea // Forbes Asia. 23.03.2016 // <http://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2016/03/23/how-taiwan-could-lose-its-claim-to-the-south-china-sea/#1fd5ccfb44a3>

Lennox D. "China's New Cruise Missile Programme 'Racing Ahead'," Jane's Defence Weekly, 12 January 2000.

Malenic M. Chinese strategic capabilities expanding, a US government reports warns. // Jane's Defence Weekly. November 20, 2014 // <http://www.janes.com/article/46079/chinese-strategic-capabilities-expanding-a-us-government-report-warns>

Maritime Territorial Disputes in East Asia. / by Ben Dolven, Shirley A. Kan, Mark E. Manyin. Congressional Research Service Report R42930.

Maritime Territorial and Exclusive Economic Zone (EEZ) Disputes Involving China / by Ronald O'Rourke. Congressional Research Service Report R42784.

Mearsheimer J. Taiwan Talk. December 2013 // <http://mearsheimer.uchicago.edu/pdfs/Taiwan%20Talk%2012.2013.pdf>

Meeting China Halfway: How to Defuse the Emerging U.S. – China Rivalry / by Lyle J. Goldstein. Georgetown University Press, 2015.

Parsons, T. Chinese shipbuilder unveils possible Type 081 design. // Jane's Defence Weekly, March 28, 2012.

Parsons, T. New Chinese ships causing alarm. // Taipei Times, May 31, 2012.

Ross, Robert R. The Geography of the Peace: East Asia in the Twenty-first Century. International Security, Vol. 23, No 4 (Spring 1999).

Second Taiwan Strait Crisis / Global Security.: http://www.globalsecurity.org/military/ops/que-moy_matsu-2.htm

Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defence // Department of Defence: website. January 2012 // http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf

Wang K. Chronology of recent events in U.S.-Taiwan and U.S.-China Relations // New Taiwan, Ilha Formosa. The Homepage for Taiwan's History, Present, and Future // <http://www.taiwandc.org/hst-9596.htm>

Andrey V. GUBIN,
*PhD in political science, Head of
Asia-Pacific Regional Center of the
Russian Institute for Strategic Studies,
assistant professor of the Department of
International Relations at Far Eastern
Federal University*
E-mail: andrey.gubin@mail.ru

Taiwan Crisis – New Hope

ABSTRACT. *In spite of officially moderate and mitigating Chinese stance on Taiwan issue we cannot neglect conflict potential of the situation. Victory of the oppositional Democratic Party on the latest elections is able to initiate new spiral of tensions. However contemporary American position isn't this still solid – the unsinkable Taiwanese carrier can probably be exchanged on strengthening the regional stability. Under these circumstances China can be delegated a part of responsibility for maintain peace on the Pacific.*

KEYWORDS: China, Taiwan, the USA. crisis, reunification.

References

- Akopov P. Kitajcy sblizhajut dva berega proli-
va // Vzgljad: delovaja gazeta. 07.11.2015 // [http://
www.vz.ru/world/2015/11/7/776725.html](http://www.vz.ru/world/2015/11/7/776725.html)
- Amerikanskaja strategija perebalansirovki sil
v ATR i interesy nacional'noj bezopasnosti Rossii
// Problemy nacional'noj strategii. 2015. №4.
- Arbatov A. Aziatsko-tihookeanskaja strate-
gicheskaja panorama stremitel'no menjaetsja.
// Nezavisimoe voennoe obozrenie. 21 fevral-
ja 2014 g. // [http://nvo.ng.ru/realty/2014-02-21/
1_asia.html](http://nvo.ng.ru/realty/2014-02-21/1_asia.html)
- Artem'ev M.A. Ljagushka v kipjashhej vode //
Dipkur'er. 18.01.2010 // [http://www.ng.ru/courier/
2010-01-18/10_taiwan.html](http://www.ng.ru/courier/2010-01-18/10_taiwan.html)

Barabanov M.S., Kashin V.B., Makienko K.V.
Oboronnaja promyshlennost' i trgovlja vooru-
zhenijami KNR: Centr analiza strategij i teh-
nologij, Rossijskij institut strategicheskikh issle-
dovanij. M., 2013.

Bjej Sincjan'. Chzhun gun czin' ci duj Taj zh-
jen' shi czi chzhjencje pinsi // Ou Ja jan'czju
tunsjun' (Kadry i politika KPK v tajvan'skih delah
za poslednee vremja // Novoe v evropejsko-aziat-
skih issledovanijah. V.9. №9. Sept. 2006.

Vsemirnaja istorija diplomatii: otkrytyj inter-
net-proekt // [http://www.diphis.ru/obrazovanie_
knr_i_raskol_kitaya-a892.html](http://www.diphis.ru/obrazovanie_knr_i_raskol_kitaya-a892.html)

Guruleva T.L., Makarov A.V. Kitaj: mnogosto-
ronnee sotrudnichestvo v sisteme bezopasnos-
ti Severo-Vostochnoj Azii (Rossija, SShA, RK,
Japonija, Mongolija, KNDR). M.: Jurist. 2011.

Kaimova A. Prochno stoim na meste – Kitaj
i Tajvan' // Rossijskij Sovet po mezhdunarod-
nym delam. Kommentarii jekspertov RSMD.
11.11.2015. // [http://russiancouncil.ru/blogs/
riacexperts/?id_4=2163](http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=2163)

Kashin V. Vtoroj mir: Tajvan' uplyvaet ot
Kitaja // «Vedomosti», 21.01.2016. №3998. //
[http://www.vedomosti.ru/opinion/arti-
cles/2016/01/21/624836-taiwan-ot-kitaya](http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/21/624836-taiwan-ot-kitaya)

Kitaj sovershil tehnologicheskij ryvok. //
Voennyj paritet. 22 ijulja, 2011 g. // [http://www.
militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perev-
odnie/1636/](http://www.militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perev-odnie/1636/)

Larin A.G. Sin'hajskaja revoljucija i respubli-
kanskij Kitaj: vek revoljucij, jevoljucii i modern-
izacii. Sbornik statej. – M.: Institut vostokove-
denija RAN, 2013.

Manukov S. Stremlenie k gospodstvu. // Jekspert. 23 janvarja 2014 g. // <http://expert.ru/2014/01/23/stremlenie-k-gospodstvu/>

Na prezidentskih vyborah na Tajvane pobedili storonniki nezavisimosti // Lenta.ru, 16.01.2016 // <https://lenta.ru/news/2016/01/16/taiwan/>

Obshhaja harakteristika jadernoj politiki KNR / internet-sajt Centra politicheskikh issledovanij v Rossii (PIR-Centr) // <http://www.pircenter.org/static/obschaya-harakteristika-yadernoj-politiki-kr>

Spravochnye dannye o vooruzhennyh silah zarubezhnyh stran // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. 2010. № 7.

Starodubov V.P. Ot razoruzhenija k kapituljaccii. – M.: Veche, 2007.

Tebin P. Vostochnyj vektor: morskije doktriny i budushhee VMS stran ATR // Nacional'naja oborona. 05.09.2011 // <http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0905/20267272/detail.shtml>

Frolova I. Ju. Osobennosti amerikano-kitajskogo vzaimodejstvija v ATR v uslovijah usilenija prisutstvija SSHa v regione // Problemy nacional'noj strategii. 2015. №4.

Hramchihin A.A. Kitajskoe pjatoe pokolenie. // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 07.12.2012. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2012-12-07/1_china.html

Acton J., Dill C. and Lewis J. "Crashing Glider, Hidden Hotspring: Analyzing China's August 7, 2014 Hypersonic Glider Test," 4 September 2014. // <http://lewis.armscontrolwonk.com/archive/7443/crashing-glider-hidden-hotspring>

Babbin J., Timperlake E. Showdown: Why China wants War with the United States. Washington D.C.: Regnery, 2006.

Ballistic Trajectory – China Develops New Anti-Ship Ballistic Missile // Jane's Intelligence Review, 4 January 2010

Barrass G. The Great Cold War: a Journey through the Hall of Mirrors. Stanford: Stanford University Press, 2009.

Bender J. "The US and China Are In A Race To Develop Next-Generation Hypersonic Missiles," Business Insider, 3 September 2014 // <http://www.businessinsider.com/hypersonic-weapons-arm-race-2014-9>

Chan, Minnie. Experts dismiss PLA Navy's landing craft from Ukraine as giant toys. // South China Morning Post, June 25, 2013.

China Naval Modernization: Implications for US Navy Capabilities / by Ronald O'Pourke. September 30, 2013. Congressional Research Service Report RL33153.

Easton, Ian M. The U.S.-China Economic and Security Review Commission. Hearing on China's Relations with Taiwan and North Korea Thursday, June 5, 2014 // http://origin.www.uscc.gov/sites/default/files/transcripts/Hearing%20Transcript_June%205,2014.pdf

Erickson, Andrew S. Ballistic Trajectory – China develops new anti-ship missile // Jane's Intelligence Review, January 4, 2010.

Friedberg A. A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia. W.W. Norton & Company, New York. 2012.

Fu Yu Reflection Maritime Disputes and US-China Relations // Contemporary International Relations. 2015. Vol. 25, #6. P. 72–83.

Goldstein, A. Great Expectation: Interpreting China's Arrival // International Security. Vol. 22, #3. Winter 1997/1998.

'Guam Killer' Missile Inadvertently Revealed in China: Report," Want China Times, 11 September 2014 // <http://www.wantchinatimes.com/news-subclass-cnt.aspx?id=20140911000065&cid=1101>

Jennings, Ralph. How Taiwan Could Lose Its Claim to the South China Sea // Forbes Asia. 23.03.2016 // <http://www.forbes.com/sites/ralphjennings/2016/03/23/how-taiwan-could-lose-its-claim-to-the-south-china-sea/#1fd5ccfb44a3>

Lennox D. "China's New Cruise Missile Programme 'Racing Ahead'," Jane's Defence Weekly, 12 January 2000.

Malenic M. Chinese strategic capabilities expanding, a US government reports warns. // Jane's Defence Weekly. November 20, 2014 // <http://www.janes.com/article/46079/chinese-strategic-capabilities-expanding-a-us-government-report-warns>

Maritime Territorial Disputes in East Asia. / by Ben Dolven, Shirley A. Kan,

Mark E. Manyin. Congressional Research Service Report R42930.

Maritime Territorial and Exclusive Economic Zone (EEZ) Disputes Involving China / by Ronald O'Rourke. Congressional Research Service Report R42784.

Mearsheimer J. Taiwan Talk. December 2013 // <http://mearsheimer.uchicago.edu/pdfs/Taiwan%20Talk%2012.2013.pdf>

Meeting China Halfway: How to Defuse the Emerging U.S.-China Rivalry / by Lyle J. Goldstein. Georgetown University Press, 2015.

Parsons, T. Chinese shipbuilder unveils possible Type 081 design. // Jane's Defence Weekly, March 28, 2012.

Parsons, T. New Chinese ships causing alarm. // Taipei Times, May 31, 2012.

Ross, Robert R. The Geography of the Peace: East Asia in the Twenty-first Century. International Security, Vol. 23, No 4 (Spring 1999).

Second Taiwan Strait Crisis / Global Security.: http://www.globalsecurity.org/military/ops/quemoy_matsu-2.htm

Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defence // Department of Defence: website. January 2012 // http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf

Wang K. Chronology of recent events in U.S.-Taiwan and U.S.-China Relations // New Taiwan, Ilha Formosa. The Homepage for Taiwan's History, Present, and Future // <http://www.taiwandc.org/hst-9596.html>